

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 7

(1934)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1935

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

ляются направляющими и определяющими подъем страны.

Мудрено ли после этого, что автор не нашел подлинных причин отсталости турецкого сельского хозяйства?

Вся аграрная проблема сосгоит, по автору, из одного вопроса: достать капитал для обеспечения планомерного роста сельского хозяйства, для чего он предлагает одно «кардинальное» средство — увеличить сбыт. «Действительность такова, что до тех пор, пока, прежде всего, условия сбыта остаются такими же, каковы они есть, рост продукции является чистой утопией», — пишет он (стр. 178). Все усилия надо концентрировать на трех вопросах — образование, транспорт, сбыт (стр. 198). Автор считает, что как только крестьянину будет дана возможность более рентабельного сбыта своей продукции, он добьется роста ее и с примитивными орудиями труда.

Для достижения этой цели он выдвигает рецепт, предложенный вышеуказанным Мюллером, сводящийся к тому, чтобы склонить голову перед иностранным капиталом. Чрезвычайно сомнительно, чтобы его применение обеспечило рост сбыта турецкой сельскохозяйственной продукции, но что оно повлекло бы за собой потерю Турцией национальной независимости, это несомненно.

Автор говорит в своей книге, что центральная фигура Турции это — крестьянин. Он даже посвящает свою книгу турецким крестьянам. Но навряд ли последние с благодарностью примут от автора его подарок. Они его отвергнут, потому что своей концепцией, своими практическими предложениями он тащит их вновь под ярмо империалистического рабства.

А. Новичев

Belpaire B. Le taoïsme et Li T'ai Po. (Mélanges chinois et bouddhiques, publiés par l'Institut Belge des Hautes Etudes Chinoises, premier volume 1931—1932 Bruxelles, Juillet 1932, p. 1—14).

Ряд причин не дает нам возможности пройти мимо этой статьи. Во-первых, она помещена в журнале, который и по внешнему виду, и по представленным в нем силам, может быть сочтен лишь очень серьезным. В нем находятся статьи таких корифеев востоковедения, как акад. П. Пеллио, А. Масперо, Л. де-ля Валле-Пуссен, Более того, на страницах этого журнала А. Масперо выступает со статьей о Цзо-чжуань, выпуская ее после выхода в свет работы Б. Карльгрена, с которым А. Масперо приходится встречаться в научном споре уже не в первый раз. Во-вторых, материалы в этом журнале расположены не в алфавитном порядке и не в порядке важности статей, а рассматриваемая статья помещена первой. Стало быть, в ней мы вправе ожидать весьма серьезную работу, посвященную отношениям между даосизмом — крупнейшей религиозно-философской системой Китая, и Ли Тай-бо — известнейшим поэтом Китая. Не говоря уже о том, что Ли Тай-бо владел сложнейшим поэтическим мастерством, что его техника стоит на высотах китайской поэзии и что благодаря этому решение всякого вопроса, связанного с его творчеством, представляет особую трудность — мы не можем пройти мимо того, что и даосизм ко времени этого поэта был явлением чрезвычайно сложным. К тому времени он уже имел за собою века зарождения, расцвета и начало упадка. Он уже испытал на себе влияния и буддизма, и, может быть, даже манихейства. Поэтому в статье «Даосизм и Ли Тай-бо» мы действительно вправе ожидать постановки и решения

сложной и трудной проблемы. Конечно, можно лишь приветствовать появление такой работы, ибо, как это уже доказывалось некоторыми китайскими учеными, решение проблемы даосизма — это один из важнейших ключей к пониманию китайской культуры. Мы тем более вправе ожидать это потому, что автор обнаруживает основательное знание европейской литературы по данному вопросу.

Для каждого из нас, конечно, ясно, что мы не можем ожидать от буржуазного исследователя, каковым является Б. Бельпер, анализа фактов на основе марксистской методологии. Но мы безусловно вправе требовать от него полной синологической техники. Однако, вряд ли можно считать допустимым то, что автор не указывает точно каким изданием он пользовался при переводе Ли Тай-бо. Назвать это издание только «*L'édition chinoise*» — это почти анекдотическая неточность. Разве же мало есть китайских изданий Ли Тай-бо? Пагинация в них совершенно различна, и автор принуждает читателя непроизводительно тратить время на поиски наугад переводимых текстов. Если это и допустимо в популяризационном издании, рассчитанном на не-специалиста, то вряд ли это приемлемо на страницах научного журнала. А именно французские китаеведы обычно отличаются большой точностью документации.

Наибольшую часть статьи занимают переводы Ли Тай-бо. Они безусловно свидетельствуют о том, что автор вполне владеет китайским текстом. К сожалению, они выполнены прозой и не обладают тем точным аппаратом, которым снабжал свой перевод данного поэта Э. фон Цах, перевод, кстати сказать, известный Б. Бельпер. Не лучше дело обстоит и по части даосизма. Повидимому, главный источник автора — это

произведения о. Л. Вигер. Но он, несмотря на его большой стаж и признание его в синологии, далеко не всегда авторитетен. Достаточно вспомнить его оценку Ван Би в его *le Canon Taoïste*, где он говорит, что Ван Би «умер раньше, чем научился мыслить». Однако даже одному аспиранту института востоковедения А. А. Петрову удалось доказать, что Ван Би принадлежит к самым интересным и значительным философам Китая. Кроме того, при сличении *le Canon Taoïste* с оригиналом Дао-цзан ясно, что о. Л. Вигер писал о Дао-цзане, не имея полного представления о нем, ибо в целом ряде мест определения о. Л. Вигер не имеют ничего общего с тем, о чем говорят тексты Дао-цзана. Не обладают достаточной точностью и переводы даосских классиков, сделанные о. Л. Вигер, на которых, в конечном счете, базируется знание даосизма Б. Бельпер. Но даже и без большой проницательности можно заметить, что почти все трудные места в переводе Ле-цзы и Чжуан-цзы о. Л. Вигер не переводит, а лишь пересказывает. Поэтому и суждения о. Л. Вигер о даосизме вряд ли можно считать правильными. Но ведь научная литература о даосизме не ограничивается им одним. Ведь есть целый ряд работ по истории даосизма на китайском, и особенно на японском языке, которые отличаются и большой точностью, и громадным материалом. В этом отношении особенно можно рекомендовать труды таких китаеведов, как Коянаги, Цумаки, Токива и Цуда.

Далее, если автор владеет китайским текстом (а это несомненно), то совершенно непонятно, почему он не обратил внимания на такого важнейшего даосского писателя, как Гэ Хун! Ведь именно у него вся даосская образность,

которая так важна автору, выступает в самом развернутом виде. Если бы автор принял во внимание то, что можно найти у Гэ Хуна, то несомненно он пришел бы к совершенно иным выводам и не придавал бы столь большого значения элементам даосизма у Ли Тай-бо, особенно же о значимости даосских высказываний Ли с точки зрения их философской ценности. Вместо этого автор повторяет столь же привычное, сколь и неверное суждение о том, что древний даосизм Лао-цзы и Чжуан-цзы — это «чистый и философский» даосизм, а средневековый даосизм — это лишь сомнительная фантастика. Достаточно было бы автору более глубоко и по оригинальному тексту ознакомиться с ранними даосами Ле-цзы и Чжуан-цзы, чтобы и у них найти те же магические элементы, что и в средневековом даосизме. И с другой стороны: если бы Б. Бельпер принял во внимание такие тексты, как, напр. главы I, II, IX и X из произведения Гэ Хуна «Бао-пу-цзы», не говоря уже о целом ряде других даосов; — то он узнал бы, что и в средневековом даосизме было не мало сложной и очень сложной философии.

Единственное место, где автор пытается объяснить, почему у Ли Тай-бо могли появиться даосские настроения, это то, где он говорит: «Важное место, отведенное даосизму у Ли Тай-бо, придворного поэта, объясняется возобновлением культа Лао-цзы при основателе и при известных суверенах Танской династии» (стр. 12). Вряд ли может удовлетворить кого бы то ни было такое пояснение. Ведь при дворе тех же покровителей даосизма были и другие поэты, не уступающие талантом Ли Тай-бо. Ведь был же, напр., Ду Фу, но у него мы тщетно бы искали даже такое эстетическое любованье даосскими обра-

зами, какое мы находим у Ли. Очевидно, что отнесение Ли Тай-бо к плеяде придворных поэтов еще ничего не доказывает и ничего не поясняет. Нужен более тонкий анализ. Анализ слоев китайского общества при Ли Тай-бо, анализ их интересов, анализ того, как Ли представляет интересы того или иного слоя китайского общества. К сожалению, эти вопросы не заинтересовали нашего втора. И даосизм, и поэта он рассматривает вне их связи с их окружением, вне их движения и развития. Поэтому и сопоставление поэта и идеологии получается совершенно внешним и случайным. И не совсем понятно, зачем написана эта статья. Ведь причины появления у Ли Тай-бо даосских элементов не вскрыты, а указание на их наличие у поэта излишне, так как это известно решительно всем китаеведам. Если трудно ответить на вопрос о том, зачем написана данная статья, то, пожалуй, легче будет сказать — почему написана она.

Основной тон данной работы ярче всего выражен в концовке: «Его (Ли Тай-бо) грусть от расставания с миром, в котором он столько наслаждался, делает его близким нам, ибо это глубоко человеческая грусть». Но так ли уж всему человечеству свойственна эта грусть? Разве не народами измеряются люди, которым чужда «грусть расставания с миром»? Эти слова Б. Бельпер чреваты глубоким смыслом. В них чувствуется то настроение западно-европейской науки, которое все чаще и чаще начинает в ней звучать. Это «грусть расставания с миром» принадлежит капиталистическому строю. Когда победившая Французская буржуазия на баррикадах Парижа провозгласила свою идеологию, то и она считала ее общечеловеческой. Права человека и гражданина были задуманы

для всего человечества. Б. Бельпер, отдаваясь настроению заката (Европы?), тоже считает его общечеловеческим. Это весьма показательно! Но в противоположность этому нам хотелось бы еще раз услышать более бодрые ноты от нашего автора.

Совершенно ясно, что Б. Бельпер в состоянии дать и более ценные работы по истории даосизма, ибо он обладает и умением читать китайский текст и интересом к истории даосизма. Мы бы горячо посоветовали французскому синологу пойти по пути А. Масперо и, обратив более глубокое внимание на работы японских Китаеведов, не упускать из виду те ценнейшие материалы, которыми мы теперь располагаем благодаря изданию даосского канона. От Китаеведа, рекомендованного большим и серьезным журналом, мы вправе ожидать не менее серьезные и большие работы.

29 I 1934.

Ю. Щуцкий.

Грумм-Гржимайло, Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период. Известия Государственного Географического общества, т. LXV, вып. 5, 1933, стр. 437—454,

Несмотря на громадное количество работ, посвященных природе Центральной Азии, мы до сих пор не имеем ни единой хорошей монографии по ее климату. Между тем климат, как один из факторов развития народного хозяйства, как в историческом разрезе, так и с точки зрения современного хозяйственного строительства, несомненно, заслуживал бы большего внимания.

Вот почему любая работа, посвященная синтезу уже имеющихся разрозненных сведений по климату Центральной

Азии, представляет всегда крупный интерес.

Настоящая статья Г. Е. Грумм-Гржимайло, в основу которой положены исследования, опубликованные им уже раньше в многочисленных трудах о природе и истории человеческого общества в Центральной Азии, вновь вызывает к жизни дискуссионный вопрос о причинах высыхания в Азии. Автор, суммируя большой материал, доказывает, что в течение исторического процесса за 3000 лет территория к югу от Сибири, к востоку от Каспийского моря, к северу от Иранского и Тибетского нагорий и к западу от Тихого океана подвергалась постоянному и интенсивному высыханию, которое вызвало в ней за это время рост пустынь за счет культурных земель. Положение это вряд ли может быть оспариваемо, так как многочисленные свидетельства этому представляют развалины городов и оросительных сооружений, разбросанные на протяжении всей этой территории, и в громадном количестве случаев находящиеся в районах, недоступных ныне сельскохозяйственной эксплуатации без применения высокой техники. Автор безусловно прав, указывая, что «главную роль в изменении природы сыграл в ней человек» (стр. 443). Прав он и в своих выводах, что не грандиозные войны, как, напр., походы монголов в XIII в., явились тому причиной. Конечно, основой всех этих изменений служила хозяйственная деятельность человека, постепенно истребившего леса по окраинам Центральной Азии, высушившего болота, дренировавшего почву каналами, дорогами и пр. Это привело к уменьшению влажности и усилению колебаний температуры и воздушных течений, благодаря чему прогрессировал процесс распада горных пород и создавались массы песка,